

К. Ренфрю

ИНДООЕРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Цель этой статьи – рассмотреть истоки идеи, согласно которой проблема возникновения степного кочевого пасторализма может играть ключевую роль в нашем представлении о распространении языков индоиранской группы индоевропейской семьи. Степной кочевой пасторализм, опирающийся на использование конных колесниц, зарождается, однако, лишь в начале II тыс. до н.э. – это явление слишком позднее, чтобы иметь отношение к проблеме собственно распада праиндоевропейского языка. Использование конного войска начинается спустя почти тысячу лет и относится в основном к железному веку.

Традиционная точка зрения о наличии связи вопроса доместикации лошади и возникновения верховой езды с проблемой индоевропейской прародины ошибочна, мнение о существовании такой связи, содержащееся в ранних работах Д. Энтони и Дж. Мэллори и восходящее ко взглядам М. Гимбутас и В. Чайлда, неверно. Позднее Д. Энтони¹ и Дж. Мэллори² справедливо отмечали, что существенные перемены в степи произошли около 2000 г. до н.э., до появления Андроновской культуры (это ранее уже признавали российские исследователи, в том числе Е.Е. Кузьмина), которая может дать нам некоторый материал для решения проблемы распространения индоиранской ветви языков. Наши знания о раннем освоении степи, предшествовавшем полному кочевому пасторализму, могут помочь нам понять феномен местонахождения носителей тохарских языков, существенная черта которых – отсутствие близких связей с индоиранскими.

Следует подчеркнуть, что индоевропейская проблема в целом не будет адекватно пониматься до тех пор, пока не будет признано, что речь идет как минимум о двух эпизодах или процессах распространения языков (первый – праиндоевропейского, более поздний – праиндоиранского, и возможно, третий – индоарийского), которые могут объясняться по-разному.

МИФ О НЕОЛИТИЧЕСКОМ / ХАЛКОЛИТИЧЕСКОМ КОННОМ ВОИНЕ

Обратимся к цитатам из работ последних десятилетий.

«В словаре индоевропейского хозяйственного уклада, который является укладом пастушеским...»³.

«В древней Европе быстро развивалась городская культура, но ее развитие было прервано и в конечном счете остановлено разрушительными силами с востока – постоянным проникновением полукочевых конных пастухов из понтийских степей»⁴.

«Пасторализм был основой экономики индоевропейских завоевателей Европы»⁵.

¹ Anthony D.W. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Washington, 1998. P. 63–93.

² Mallory J.P. A European Perspective on Indo-Europeans in Asia // The Bronze Age... P. 175–201.

³ Benveniste E. Les valeurs économiques dans le vocabulaire indo-européen // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 307.

⁴ Gimbutas M. Old Europe in the 5th Millennium BC: the European Situation on the Arrival of the Indo-Europeans // The Indo-Europeans in the 4th and 3rd Millennia. Ann Arbor, 1982. P. 18.

⁵ Polomé E. Indo-European Culture with Special Attention to Religion // The Indo-Europeans... P. 156.

«Подвижность и значительную долю военной силы индоевропейцам, без сомнения, обеспечивала лошадь»⁶. «Все эти факты, очевидно, свидетельствуют о том, что лошадь сначала использовалась для верховой езды и только потом в повозках...»⁷. «Без сомнения, кочевые индоевропейские пастухи осуществляли разнообразную сельскохозяйственную деятельность...»⁸.

«Одомашнив лошадь, жители степи стали первыми, кто свел воедино экономические и военные функции, и это сочетание стало ведущим в мире на следующие пять тысячелетий»⁹.

Авторы этих утверждений, в которых речь идет в первую очередь о Европе, следуют мифу о конном воине-всаднике как типичном носителе праиндоевропейского языка. Своим распространением этот миф в небольшой степени высказываниям Д. Энтони¹⁰, на которые, к примеру, опирался Дж. Даймонд в приведенной выше цитате: согласно Д. Энтони, на поселении Дереевка IV тыс. до н.э. преобладают не просто лошадиные кости (что действительно имеет место), но кости одомашненных лошадей, более того, domestикация лошадей повлекла за собой, по его мнению, появление здесь воинов-всадников.

Однако точно известно, что в Западной Европе первые колесные повозки – с четырьмя цельными колесами – известны в Баденской культуре, датируемой ок. 3000 г. до н.э. В эти повозки запрягались быки. Первое достоверное свидетельство использования лошади в упряжи в Западной Европе относится ко времени Шахтовой гробницы в Микенах – ок. 1600 г. до н.э., где изображена лошадь, запряженная в двухколесную колесницу со спицами. Подобные колесницы со спицами найдены также в Синташте, в центральной евразийской степи, и датируются четырьмя столетиями ранее¹¹ – это первое явное свидетельство использования лошади в транспортных целях. Верховая же езда впервые надежно зафиксирована в Западной Европе ок. 1100 г. до н.э., и Е.Е. Кузьмина¹² предполагает, что лошади использовались в степях для верховой езды с военными функциями уже на несколько столетий раньше. Но последовательность ясна везде¹³: повозка с цельными колесами, влекаемая быками – ок. 3000 до н.э.; затем колесница со спицами, запряженная лошадьми, – ок. 1600 г. до н.э.; затем конный всадник-воин – незадолго до 1000 г. до н.э.

Заявления об исключительно ранней domestикации лошадей и использовании их для верховой езды, основанные на данных раскопок в Дереевке на Украине¹⁴, подверг критике М. Левин¹⁵: вероятно, лошади, сначала дикие, а затем и одомашненные, служили здесь источником пропитания. В те времена пастухи, возможно, ездили верхом при пастьбе, но не в военных целях. Этот тезис был недавно хорошо сформулирован Е.Е. Кузьминой: «Вопреки мнению М. Гимбутас, Д. Телегина и Д. Энтони, пастухи, пасущие стада лошадей, ездили верхом, но они не были верховыми воинами, поскольку узда для строгого контроля за лошадью появилась только в конце II – начале I тыс. до н.э.»¹⁶.

⁶ Ibid. P. 158.

⁷ Ibid. P. 160.

⁸ Ibid. P. 163.

⁹ Diamond J. The Rise and Fall of the Third Chimpanzee. L., 1991. P. 244.

¹⁰ Anthony D.W. The «Kurgan Culture», Indo-European Origins and the Domestication of the Horse: a Reconsideration // CA. 1986. 27.

¹¹ Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the Chariot // Archaeology. 1995. March–April.

¹² Kuzmina E.E. Where Had the Indo-Arians Come from? The Material Culture of the Andronovo Tribes and the Origins of the Indo-Aryans. M., 1994.

¹³ Renfrew C. All the King's Horses: Assessing Cognitive Maps in Later Prehistoric Europe // Creativity in Human Evolution and Prehistory. L., 1998.

¹⁴ Anthony. The «Kurgan Culture»...

¹⁵ Levine M. Dereivka and the Problem of Horse Domestication // Antiquity. 1990. 64; *idem*. The Origins of Husbandry on the Eurasian Steppe // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Camb., 1999.

¹⁶ Kuzmina E.E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and Pastoralists of the Asian Steppes in the Bronze Age // The Bronze Age... P. 83. Not. 9.

У меня нет желания или намерения вступить в полемику с работами Д. Энтони и Дж. Мэллори, в частности потому, что в последнее время они приняли многие из приведенных выше тезисов¹⁷, и вскоре, возможно, появится обобщающая теория, которая завоеует всеобщее признание. В своей недавней весьма информативной работе Дж. Мэллори акцентирует внимание на трудностях, которые все еще сохраняются при попытках объяснения распространения индоиранских (пра)языков в Индии и Иране, даже если мы согласимся с предполагаемой ролью Андроновской культуры. Разумеется, речь степных кочевников евразийских степей (сарматов, скифов и т.д.) была индоиранской в античные времена, когда она была впервые зафиксирована, и вполне возможно, так же обстояло дело для большей части Центральной Азии. Распространение индоиранской ветви не ограничивалось Индийским субконтинентом и Иранским плато, но захватывало значительную часть западной и центральной части евразийских степей. Тумшукский и хотанский¹⁸ — примеры индоиранских языков в Центральной и Восточной Азии.

Следует подчеркнуть, что существуют как минимум три или четыре отдельных эпизода, требующих объяснения:

1. Распространение праиндоевропейского языка в Европе и затем в западных (т.е. европейских) степях. (Здесь я намереваюсь привести аргументы, связывающие этот процесс с распространением земледелия из Анатолии на Балканы).

2. Раннее освоение евразийской степи и распространение индоевропейских языков на большую часть этого региона, вплоть до Синьцзяна.

3. Развитие полного степного пасторализма во II тыс. до н.э., которое следует связать с возникновением отдельной индоиранской ветви индоевропейской семьи в евразийских степях.

4. Распространение индоиранских языков к югу, в направлении Иранского плато и Индийского субконтинента.

Фазы 1 и 2 можно рассматривать в рамках процесса распространения языка / земледелия, постулированного мною в 1973 г.¹⁹ (впоследствии этот сюжет был разработан подробнее²⁰). Что касается фаз 3–4, то они могут относиться к типу языкового замещения в соответствии с более поздней моделью «доминирования элиты» (гипотеза B)²¹. Следует заметить, что после неоднозначных итогов II Всемирного археологического конгресса в Нью-Дели в 1994 г., где я был инициатором и одним из организаторов заседания по теме «Археология и язык»²², я больше не склонен выступать в поддержку гипотезы A²³. Однако я не считаю аксиомой мнение, согласно которому в Хараппской цивилизации отсутствовал индоевропейский элемент. Не следует автоматически связывать приход индоариев с падением Хараппы и Мохенджо-Даро по модели, впервые предложенной Р. Уилером²⁴.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ И ПРАТОХАРСКИЙ ЯЗЫК

Среди представителей исторической лингвистики широко распространено мнение, что тохарские языки не входят в индоиранскую ветвь индоевропейских языков. Учитывая их географическую близость, это составляет определенную проблему, которая может быть решена, если уделить достаточное внимание вопросам хронологии²⁵.

¹⁷ Anthony. The Opening...; Mallory. Op. cit.

¹⁸ Parpola A. Aryan Languages, Archaeological Cultures and Sinkiang: Where Did Proto-Iranian Come into Being? // The Bronze Age... P. 135.

¹⁹ Renfrew C. Problems in the General Correlation of Archaeological and Linguistic Strata in Prehistoric Greece: the Model of Autochthonous Origin // Prehistoric Migrations in the Aegean. L., 1973.

²⁰ Idem. Archaeology and Language, the Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987.

²¹ Ibid. P. 197: Hypotesis B.

²² Spriggs M. Pacific Archaeologies: Contested Ground in the Construction of Pacific History // JPH. 1999. 34. P. 114.

²³ Renfrew. Archaeology and Language... P. 197: «Neolithic Aryas».

²⁴ Wheeler R.E.M. Harappan Chronology and the Rigveda // AI. 1947. 3.

²⁵ Renfrew C. Time Depth. Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: «Old Europe», as a PIE Linguistic Area // IES. in press.

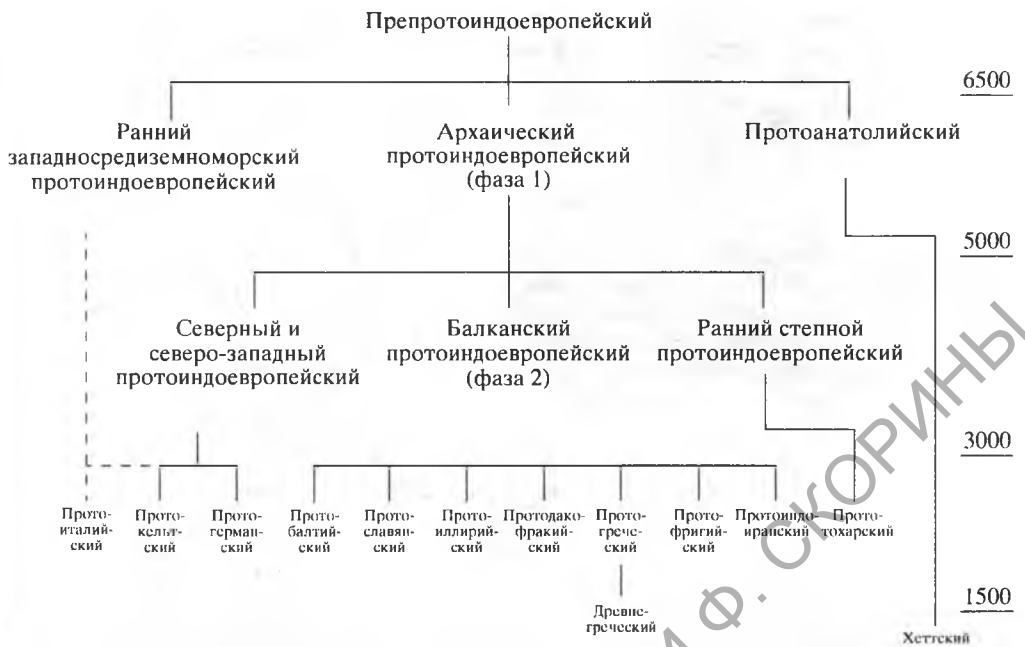

Рис. 1. Хронология развития протоиндоевропейского языка: предполагаемые временное и пространственное распределение фаз протоиндоевропейского языка (препротоиндоевропейский, протоиндоевропейский, I, II, III и т.д.) в упрощенном табличном виде (по работе: Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: «Old Europe», as a PIE Linguistic Area // JIES, in press)

Далее, является общепризнанным, что индоиранские языки в большей степени родственны греческому и армянскому (и, возможно, фракийскому), чем другим индоевропейским языкам. Это дает некоторые основания для реконструкции процесса развития этих языков: похоже, между ними сохранялись контакты до достаточно позднего момента. Но этот момент вряд ли мог быть позднее времени возникновения Андроновской культуры, которую Е.Е. Кузьмина и другие датируют 2000 г. до н.э., или предшествующей ей культуры Аркаим-Синташта. Допустимо предположить, что в то время как язык носителей Андроновской культуры вполне мог быть индоиранским, более ранняя фаза развития приходится на период, когда носители прагреческого и праиндоиранского языков находились в контакте.

Для индоевропейской семьи я предложил последовательность развития²⁶, отраженную на рис. 1, которая должна заменить более раннюю версию²⁷.

Отметим, что эта реконструкция языковых взаимоотношений хорошо согласуется с той, которая была предложена Д. Ринджем и др.²⁸ на основе кладистических подсчетов: согласно ей, анатолийский первый отделился от праиндоевропейского, следующим был тохарский, а прагреческий, прафракийский, праиндоиранский (и праармянский) оставались неразделенными вплоть до 3000 г. до н.э.

Принимая во внимание долгую историю и различные стадии развития праиндоевропейского языка, следует учитывать эпизоды не только дивергенции, но и конвер-

²⁶ Ibid.

²⁷ *Idem*. The Tarim Basin, Tocharian and Indo-European Origins, a View from the West // The Bronze Age... P. 209. Fig. 1.

²⁸ Ringe D., Warnow T., Taylor A., Michailov A., Levison L. Computational Cladistics and the Position of Tocharian // The Bronze Age...

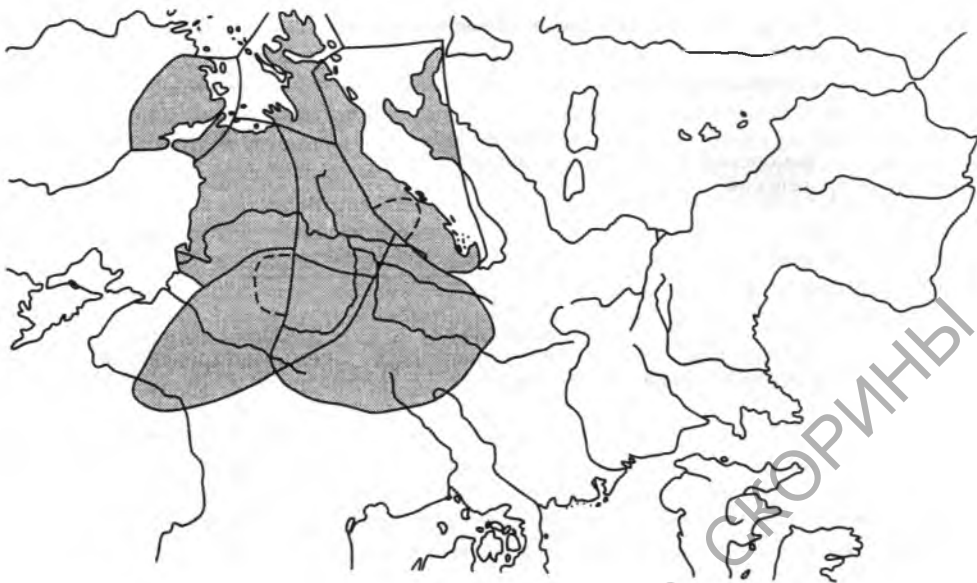

Рис. 2. Предполагаемая зона лингвистической конвергенции балканского протоиндоевропейского фазы 2, ок. 5000 – ок. 3000 гг. до н.э. (выделено темным), основанная на выделении регионов в рамках археологических культур халколитической древней Европы, предложенная М. Гимбутас. На севере и востоке архаическая протоиндоевропейская традиция фазы 1 сохранялась и распространялась, заложив фундамент для протокельтского, протобалтийского и протогерманского языков (по работе: *Renfrew. Time Depth...*)

генции²⁹. Из последних один из наиболее значительных имел место на Балканах, в том самом ареале, который М. Гимбутас называла древней Европой, и во время, которое было, по ее мнению, периодом процветания балканского халколита (5000–3000 гг. до н.э.). На шкале, приводимой здесь, это уже фаза 2 в развитии протоиндоевропейского языка: большой ареал конвергенции, в котором происходили различные виды языкового взаимодействия, наблюдается в рамках «общего», или «узкого», протоиндоевропейского (рис. 2).

В конце этой фазы зафиксированы колесные повозки внутри данного ареала, в Баденской культуре. Но следует также заметить, что, как показал Ф. Шпехт³⁰ и подчеркивали разные индоевропейцы, включая У. Леманна³¹, словарь, связанный с колесным транспортом, уже включает тематические основы существительных, которые в лингвистическом смысле представляют более позднюю стадию, чем атематические основы древнейшей праиндоевропейской лексики. Следовательно, появление колесных повозок в Баденской культуре – маркер не древнейшего, а уже достаточно развитого протоиндоевропейского. Этот факт упускается из вида многими исследователями³², и сам У. Леманн³³ четко не определил его хронологически.

То, что балканский ареал конвергенции достигал на востоке степных территорий к северу от Черного моря, подтверждается находками медных предметов в этом регионе, происходящих, как продемонстрировал Е.Н. Черных³⁴, из балканского металлургического ареала, генезис которого был автономным³⁵. Ю. Рассамкин пишет:

²⁹ Dixon R.W. *The Rise and Fall of Languages*. Cambr., 1997.

³⁰ Specht F. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination*. Göttingen, 1944.

³¹ Lehmann W.P. *Theoretical Bases of Indo-European Linguistics*. L., 1993. P. 247.

³² К примеру, *Parpola*. *Op. cit.* P. 118.

³³ Lehmann. *Op. cit.* P. 272.

³⁴ Chernykh E.N. *Ancient Metallurgy in the USSR: the Early Metal Age*. Cambr., 1992.

³⁵ Renfrew C. *The Autonomy of the South-East European Copper Age* // PPS. 1969. 35.

«Итак, очевидно, что ведущей силой развития понтийских степей раннего энеолита была интеграция населения Скельи в систему престижного обмена в Юго-Восточной Европе, базой которого было развитие металлургии и распространение меди на большие расстояния. Значение и потенциальные социально-экономические последствия этого процесса хорошо документированы этнографически и нередко приводились в археологической литературе³⁶ (рис. 3).

Я всегда разделял точку зрения У. Гуденафа³⁷, согласно которой пасторализм представляет собой результат специализации оседлого смешанного хозяйства. Суть этого явления точно выразил Дж. Мэллори³⁸: «Евразийский степной пасторализм, включая сходные явления в Казахстане и восточных степях, которые формируют очаги миграций в индоиранском мире и Синьцзяне, восходит, видимо, к сдвигу в сторону пасторализма некоего компонента трипольского общества где-то в середине IV тыс. до н.э.» Дж. Мэллори, на мой взгляд, прав, проводя свою «линию разлома I» по региону Днестра-Днепра³⁹ (рис. 4).

Можно предположить, что носители праиндоевропейского языка впервые пришли в украинские степи с запада. Этот относительно ранний праиндоевропейский язык мог быть в частности предшественником тохарских языков, впервые зафиксированных более 4000 тысяч лет спустя в Синьцзяне.

Остается, однако, точно определить, какой способ ведения хозяйства практиковался в степях в начале IV тыс. до н.э. Следует ли его воспринимать как пасторализм? Или же это была просто разновидность смешанного хозяйства, адаптированного к условиям степи? Эти вопросы должны были рассматриваться на Челябинской конференции в августе 1999 г. и Кембриджской конференции в январе 2000 г.⁴⁰ Я склонен полагать, что распространение производящего хозяйства в западной части степи сопровождалось распространением праиндоевропейского языка. Это не обязательно был процесс смены населения: возможно, свою роль сыграло распространение языка в результате контактов под влиянием нового типа экономики. При этом нет никаких оснований считать, что лошадь играла особую роль в этом процессе, как и конные воины, которые появились лишь спустя 3000 лет.

Исходя из этой точки зрения, присутствие тохарских языков в Синьцзяне можно считать результатом очень раннего распространения праиндоевропейского языка в степях, вероятнее всего, до перехода к полному пасторализму. Вполне возможно, что, как уже предполагалось некоторыми учеными⁴¹, Афанасьевская культура составляет часть этого процесса, будучи связанной с языком-предком тохарских. Е.Е. Кузьмина, обращая внимание на древнейшие синьцзянские «мумии», отмечает: «Если гипотеза об участии афанасьевского населения в формировании Кэвригульской культуры будет доказана, это позволит нам решить наиболее важные проблемы этногенеза в Старом Свете»⁴².

Подчеркну, однако, что эта вполне допустимая идентификация находится за определенными выше логическими рамками. Праиндоевропейское присутствие в регионе необходимо для объяснения поздней локализации тохарских языков, которые с точки зрения развития внутри праиндоевропейского должны быть старше, чем праиндоиранский, относимый ко времени, предшествующему 2000 г. до н.э. Культура Афанасьево, похоже, хронологически подходит, но детали ее происхождения, ведущего к украинским степям (и, следовательно, к ранним балканским земледельцам и, наконец, к препротоиндоевропейской Анатолии), пока не ясны.

³⁶ *Rassamakin Y.* The Encolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC. Camb., 1999. P. 103.

³⁷ *Goodenough W.* The Evolution of Pastoralism and Indo-European Origins // *Indo-European...*

³⁸ *Mallory.* Op. cit. P. 184.

³⁹ *Ibid.* P. 183. Fig. 3.

⁴⁰ *Rassamakin.* Op. cit.

⁴¹ *Mallory.* Op. cit. P. 184; *Parpola.* Op. cit. P. 118.

⁴² *Kuzmina.* Cultural Connections... P. 70.

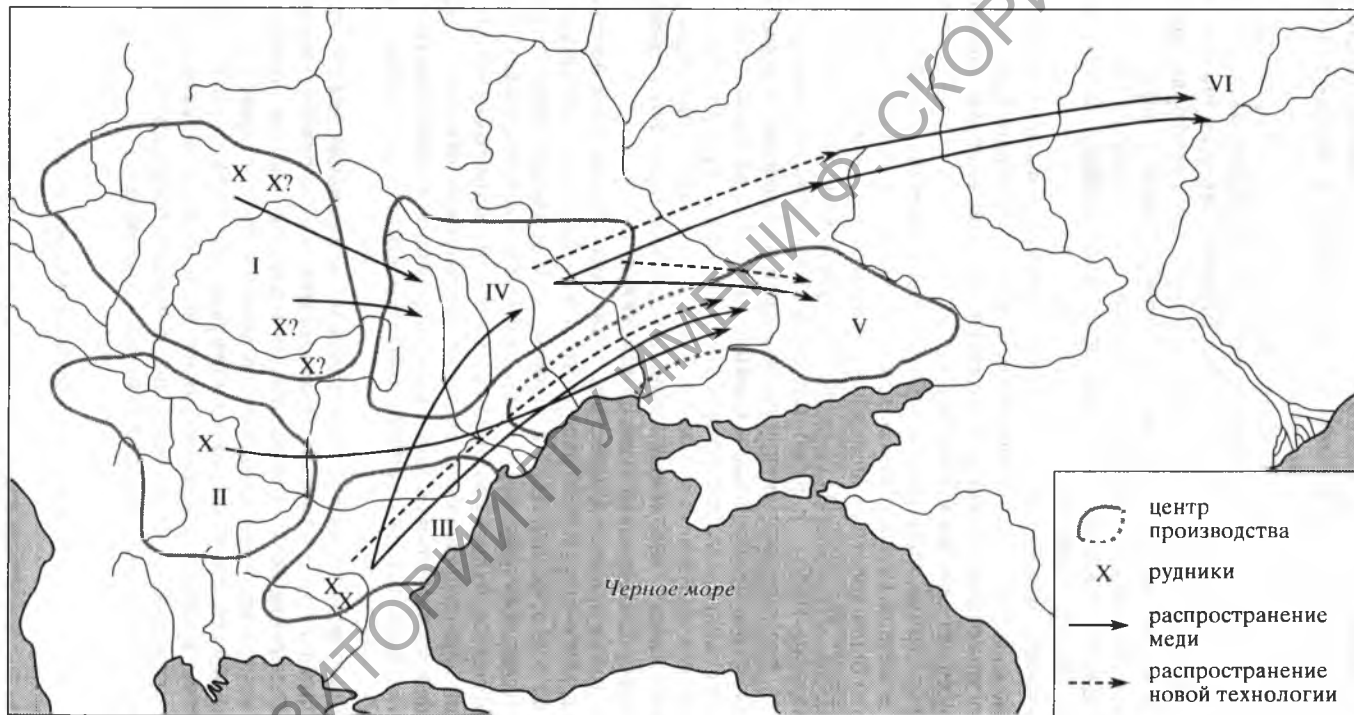

Рис. 3. Распространение балканской халколитической зоны конвергенции на восток, иллюстрируемое распространением меди и новой технологии в понтийские степи из различных центров производства на Балканах (по работе: *Rassamakin. Op. cit.*)

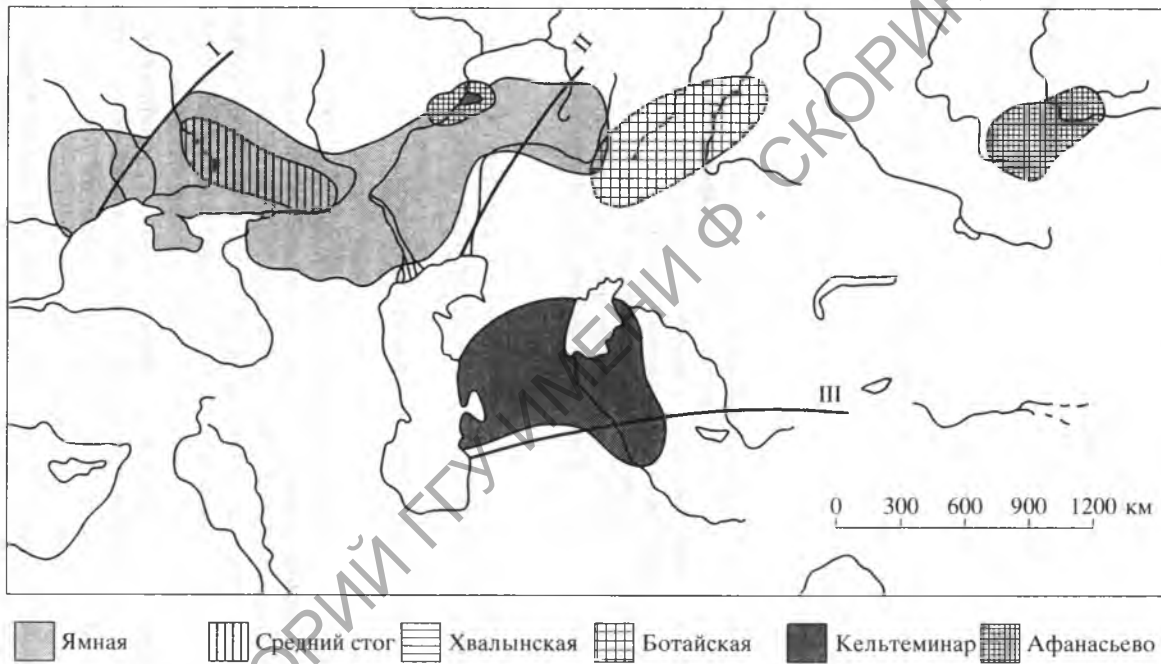

Рис. 4. Три географических «линии разлома» (I – Днестро-Днепровская, II – Уральская, III – Центральноазиатская) и распространение энеолитических срубной, андроновской культур и археологического комплекса Бактрия – Маргиана (по работе: Mallory. Op. cit.)

Рис. 5. Две постулируемые фазы освоения степи:

- А. Ранняя фаза: рогатый скот, пшеница, ячмень. Раннее земледелие, происходящее из Триполья (возможно, через Средний Стог). Протоиндоевропейская (I) речь, распространенная, вероятно, до Синьцзяна, предшествующая прототохарской общности.
- Б. Поздняя фаза: степной номадизм с использованием лошадей (для колесниц), Андроновская культура. В предшествующую фазу имели место тесные связи с балканскими культурами вслед за упадком халколитической зоны взаимодействия. Протоиндоевропейская речь (III): протоиндоиранский язык

Возможно, Хвалынская культура Средней Волги и культура Среднего Стога на Среднем Днепре, датируемые 4900–3500 гг. до н.э., сыграли здесь свою роль (рис. 5).

ПРАИНДОИРАНСКИЙ И ИНДОАРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ранняя фаза

«Древнеевропейская» балканская зона конвергенции (рис. 2) понимается как регион, в котором различные праиндоевропейские диалекты находились в контакте в течение праиндоевропейской фазы 2. Когда эта зона конвергенции пришла в упадок и утратила свое значение вместе с закатом древней Европы, это предположительно не было связано с общим рассеянием или крупными миграциями. Напротив, составляющие эту зону регионы стали несколько более изолированными, и рассматриваемые языки распались на прагреческий, праиллирийский, прафракийский и праиндоиранский. Процесс изоляции и отделения одного языка от другого начался, возможно, около 3000 г. до н.э. Именно с этого времени прагреческий можно рассматривать как отдельный язык, притом локализуемый, по всей видимости, в границах современной Греции. В тот же период праиндоиранский начал свое отдельное существование в европейских степях. Нет необходимости считать это миграцией или рассеянием, речь идет просто о большей и все возрастающей дифференциации. Связи между греческим, индоиранским, фракийским и армянским можно, таким образом, возвести к этому периоду конвергенции, окончившемуся около 3000 г. до н.э., т.е. достаточно поздно на шкале развития праиндоевропейского языка (рис. 1).

Из этого следует, что наиболее вероятные кандидаты на место носителей праиндоиранского языка должны быть найдены в европейских степях в конце IV – начале III тыс. до н.э. Поэтому речь должна идти о ямной культуре, датируемой,

по Дж. Мэллори⁴³, 3600–2200 гг. до н.э. Предстоит еще выяснить, насколько она может рассматриваться как «пасторалистская».

Фаза зрелости

Ключевая проблема в понимании индоиранского лингвистического феномена – это причины рассеяния индоиранцев. Кажется, многие специалисты согласны с мнением, выдвинутым Е.Е. Кузьминой⁴⁴ и поддержанным Д. Энтони⁴⁵, согласно которому около 2000 г. до н.э. произошли радикальные перемены. Д. Энтони замечает: «Давно установившаяся картина резко изменилась между 2000 и 1700 гг. до н.э., когда люди степей стали вести сходный образ жизни благодаря широкому распространению близких стратегий выживания... Этот комплекс широко распространенных черт характеризует ранний андроновский горизонт между Уралом и Тянь-Шанем и его родственника в степях к западу от Урала – срубную культуру. Металлургический аспект этого трансконтинентального горизонта определяется Е.Н. Черныхом как евразийская металлургическая провинция. С развитием срубной и андроновской культур степной мост был открыт, и возник значительный трансконтинентальный обмен. Одним из первых были технологии повозки, колесницы, металлургии бронзы и ряда разновидностей оружия»⁴⁶.

Е.Е. Кузьмина⁴⁷ привела доводы в пользу важности конной колесницы со спицами в это время. Тогда лошадь впервые стала использоваться в вооруженных столкновениях, хотя пока и без всадника. Без сомнения, пастухи также ездили верхом. Как показал Д. Энтони, лошадь вместе с крупным рогатым скотом и овцами составила основу экстенсивного хозяйства.

Что касается проблемы глоттогенеза, можно предполагать, если следовать гипотезе распространения языка/сельского хозяйства, что язык заимствовался вместе с domestикацией основных животных и окультуриванием растений, как крупного рогатого скота и овец, так и зерновых культур. Одним из источников культурного влияния мог быть Иран эпохи неолита, в первую очередь Джейтунская культура. Другим, как предполагает В.А. Шнирельман⁴⁸, был, вероятно, Кавказ. Но ни одна из этих гипотез не помогает разрешить проблему индоиранского глоттогенеза. Д. Энтони рассматривает следующие возможности: «Самые ранние скотоводческие хозяйства в степи появились к западу от Каспийского моря, на территории современных Украины и Южной России. Одомашненные овцы и крупный рогатый скот и зерновые культуры заимствовались из двух источников: западного – неолитические культуры долины Нижнего Дуная и восточно-карпатские предгорья (культуры Крис, линейной керамики и Кукутени-Триполье), и южного – неолитические культуры Кавказа»⁴⁹. Автор приходит к следующему заключению: «Эти данные свидетельствуют о том, что основные виды одомашненных травоядных – овца и крупный рогатый скот – проникли в степное хозяйство из долины Днепра в восточном направлении, к Волге, около 5000 г. до н.э. Экономическая (и, возможно, культурная) граница установилась тогда между Волгой и реками Среднего Урала»⁵⁰.

Эта граница и есть 2-я, или уральская, «линия разлома» по Дж. Мэллори⁵¹. Очевидно, открытие евразийской степи ок. 2000 г. до н.э. позволило пересечь эту границу, и степная зона стала «мостом» через Евразию.

⁴³ Mallory. Op. cit. P. 187.

⁴⁴ Kuzmina. Where Had the Indo-Aryans...; eadem. Cultural Connections...

⁴⁵ Anthony. The Opening...

⁴⁶ Ibid. P. 94.

⁴⁷ Kuzmina. Where Had the Indo-Aryans...

⁴⁸ Shnirelman V.A. The Emergence of Food-Producing Economy in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe // JIES. 1992. 20.

⁴⁹ Anthony. The Opening... P. 96.

⁵⁰ Ibid. P. 99.

⁵¹ Mallory. Op. cit. P. 188.

Как ни привлекателен и ни убедителен обрисованный выше сценарий, он позволяет нам продвинуться всего лишь на один шаг вперед к объяснению феномена распространения индоиранских языков. Открытие степного «моста» предоставляет, как наглядно и убедительно показал Д. Энтони, определенное число элементов, относящихся к наиболее раннему документированному присутствию носителей индоевропейских языков в Иране и Индии. Так, гимны Ригведы изобилуют восхвалениями лошади, и лошадь фигурирует в этом произведении запряженной в колесницу со спицами. Как я уже отмечал⁵², ранние арии, согласно Ригведе, не ездили верхом, они использовали колесницы.

С археологической точки зрения, однако, имеется слишком мало следов прихода индоиранцев на Иранское плато и в Индию. Ф.Т. Хиберт⁵³ представил их полный обзор, подчеркивая посредническую роль археологического комплекса Бактрия–Маргиана в 1900–1750 гг. до н.э., после заката культуры Намазга V. Он пытается выделить центральноазиатские элементы на Иранском плато, однако полностью осознает масштаб возникающих при этом трудностей. Исследователь пишет: «Тогда как пустынные оазисы комплекса Бактрия–Маргиана демонстрируют явные свидетельства контактов со степными кочевниками севера, важно иметь в виду, что на Иранском плато не найдено ни одного степного кочевнического комплекса, нет также ни одного свидетельства косвенных контактов или взаимоотношений ни на плато, ни в степи. Единственное свидетельство взаимоотношений между северным миром и Иранским плато связано с оазисными культурами Центральной Азии. Таким образом, мнение, согласно которому иранцы происходят от кочевников севера, не подтверждается детальным изучением доступных археологических данных»⁵⁴.

Эта проблема связана с третьей из «линий разлома» Дж. Мэллори – центральноазиатской⁵⁵. Но он не предлагает убедительного механизма ее пересечения. А. Парполе⁵⁶ также не удается решить эту проблему в своем обстоятельном обзоре. Ф. Хиберт и Дж. Мэллори справедливо отмечают это затруднение, которое остается одним из наиболее существенных в современной индоевропеистике.

Действительно, при том что, как ранее уже отмечалось, датировка проникновения индоарийских языков в Индию временем после конца Хараппской цивилизации не аксиоматична, совершенно не очевидно, что оно произошло в момент ее упадка, часто датируемого временем около 1800 г. до н.э. Должны ли мы вместо этого допускать возможность, по меньшей мере для Индии, связи между прибытием носителей индоарийских языков и приходом конных всадников? Это повлечет за собой установление значительно более поздней даты – около 1000 г. до н.э. Конечно, как и подчеркивалось выше, гимны Ригведы описывают конные колесницы, но не всадников. Но разве не очевидно, что эпическая традиция восходит к более раннему периоду, подобно тому как эпос Гомера, записанный в эпоху верховой езды, относится к эре военных колесниц?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается узнать еще очень многое об освоении степей. Тогда как смена культур становится ясной во многих регионах, способ освоения последних очевиден в меньшей степени. Различные значения слова «пасторализм» ведут к путанице, термин «кочевничество» также не определен с достаточной ясностью.

⁵² Renfrew. *Archaeology and Language...* P. 182.

⁵³ Hiebert F.T. *Central Asians on the Iranian Plateau: a Model for Indo-Iranian Expansion // The Bronze Age...*

⁵⁴ Ibid. P. 153.

⁵⁵ Mallory. *Op. cit.* P. 191.

⁵⁶ Parpola. *Op. cit.* P. 125.

В то же время, похоже, намечается согласие по ряду вопросов. Широкое признание получила точка зрения Е.Е. Кузьминой⁵⁷, согласно которой принципиальное значение имеет андроновская культура. Также очевидно, что вскоре после 2000 г. до н.э. степи стали мостом между западом и востоком, чего не было ранее, и что одной из тенденций в те времена было распространение конной колесницы со спицами. Нет никаких данных о появлении конных всадников до этого времени, хотя верховая езда могла использоваться при пастъбе.

Остаются существенные сомнения насчет процессов, которые привели к проникновению индоиранских языков на Иранское плато и в Индию, вопреки общему мнению, что андроновская культура может вполне отражать распространение этих языков в начале II тыс. до н.э.

Последствия этого согласия для понимания европейских аспектов индоевропейской проблемы должны ясно осознаваться. От мнения, что конные воины-всадники курганной культуры 3500–3000 гг. до н.э. перенесли индоевропейские языки из степей в западном направлении, в Центральную Европу, следует со всей определенностью отказаться. Ясно, что основные культурные растения и животные (овцы, крупный рогатый скот, пшеница, ячмень) попали в европейские степи с запада – с Балкан и в конечном счете из Анатолии. Никакого удовлетворительного механизма распространения индоевропейских языков из степей в остальную часть Европы (если считать степь прародиной индоевропейцев) предложить нельзя. Здесь не место обсуждать в деталях гипотезу анатолийской прародины препротоиндоевропейцев и балканского ареала конвергенции для общеиндоевропейского. Но в конечном итоге этой дискуссии избежать нельзя.

Есть еще один аспект, требующий дальнейшего исследования. Мы не должны думать, что нашли хорошее решение для индоевропейской проблемы до тех пор, пока у нас не сложится определенного представления о других языковых семьях и, насколько возможно, об их прародине. Какие языки были распространены на Иранском плато до прихода носителей индоевропейских языков? Должны ли мы считать, что они являются родственными эламскому, как некоторые предполагают для комплекса Намазга? Что касается Северной Индии, дравидский язык является общепризнанным решением, но, как я отмечал ранее, мы не можем признать, что индоевропейские языки впервые появились там после заката Хараппской цивилизации.

Что можно сказать о прародине так называемой алтайской семьи языков или хотя бы ее составляющих – монгольской, тюркской и тунгусо-маньчжурской? Это еще один сложный вопрос, и на него будет трудно дать ответ, поскольку какие-либо письменные источники отсутствуют. Но разве мы не должны предлагать модели распространения этих языковых общностей? Если мы будем рассматривать центральные и западные евразийские степи как ареал ранних индоиранских диалектов во времена андроновской и срубной культур, каковы были механизмы, которые привели к завершению этого периода? Мы не можем считать, что понимаем феномен распространения индоевропейских (или даже индоиранских) языков в этих регионах, пока не будем в состоянии сказать что-нибудь об их исчезновении. Эти задачи еще ждут своего решения.

THE INDO-EUROPEAN PROBLEM AND THE EXPLOITATION OF THE EURASIAN STEPPES: QUESTIONS OF TIME DEPTH

C. Renfrew

The intention in this brief paper is to examine the implications of the view that the development of full steppe nomad pastoralism may well be a theme crucial to our understanding of the dispersal of the Indo-Iranian branch of the Indo-European language family. Steppe nomad pastoralism, involving the use of the

⁵⁷ *Kuzmina*. Where had the Indo-Aryans...

horse-drawn chariot, is however a phenomenon originating at the beginning of the second millennium BC. It comes too late to be relevant to the question of the original dispersal of the Proto-Indo-European language. The use of horse-riding for military purposes came almost a millennium later, at the end of the second millennium BC: in general it is a phenomenon of the iron age.

The traditional linkage between the question of horse domestication and horse riding and the earliest Indo-European origins is a mistaken one, erroneously perpetuated in the earlier writings of Anthony and Mallory, following Gimbutas and the earlier Childe. In their later writings they have correctly emphasised the significant steppe adaptations round 2000 BC, prior to the emergence of the Andronovo culture (as earlier recognised by Russian scholars including Kuzmina), which seem to offer one key to the dispersal of the Indo-Iranian branch of Indo-European. The earlier exploitation of the steppe, prior to full nomad pastoralism, may well be basic to the understanding of the location of the Tocharian languages, whose lack of close relationship with the Indo-Iranian languages is so notable a feature.

It is stressed that the Indo-European problem as a whole will not adequately be understood until it is recognised that there are least two episodes or processes of expansion involved (i.e. first for early Proto-Indo-European, and later for Proto-Indo-Iranian, and perhaps a third for Indo-Aryan) which may require explanations of different types.